

В. А. Ш И Ш К И Н

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-СКАНДИНАВСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1917—1923 гг.)

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в России на мировой арене появилось новое пролетарское государство, приступившее к строительству социализма. Становление Советской власти проходило в чрезвычайно сложной международной обстановке, в условиях военного столкновения двух борющихся империалистических группировок. Советские предложения союзным державам об урегулировании отношений с РСФСР на основе формулы о мире без аннексий и контрибуций по существу были отвергнуты их правительствами. Германский империализм, согласившись на переговоры, вскоре перешел по отношению к Советской России к тактике политического и военно-экономического принуждения, воплощенной в грабительском Брест-Литовском договоре и Добавочных соглашениях от 27 августа 1918 г.

В этих условиях Советское государство придавало серьезное значение установлению дружественных экономических и политических отношений со Скандинавскими странами, занимавшими нейтральную позицию во время первой мировой войны. В отчете Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР V Съезду Советов (июль 1918 г.), в частности, отмечалось, что «со всеми тремя Скандинавскими государствами мы стремимся установить тесное экономическое взаимодействие».¹ И хотя небольшие Скандинавские страны не могли взять на себя роли главного партнера Советской России в хозяйственной области, те, пока еще слабые связи, которые установились между ними и пролетарским государством уже в 1918 г., показали возможность экономического сотрудничества двух систем собственности. Данная статья является попыткой проследить историю становления и начального

¹ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 52.

этапа развития экономических связей Советского государства со Швецией, Норвегией и Данией.²

До первой мировой войны Россия поддерживала регулярные торговые отношения со всеми тремя Скандинавскими государствами, хотя ее вывоз в каждую из этих стран в 1909—1913 гг. был невелик и колебался от 0.5 до 2.2% стоимости всего среднегодового экспорта, а привоз из них за те же годы не превышал 1% стоимости всего импорта.³ В годы войны нормальные торговые связи были нарушены. Превращение Балтийского моря в зону активных военных действий привело к резкому сокращению товарообмена между Россией и Скандинавскими странами. К этому следует добавить, что царская Россия к концу войны почти полностью прекратила вывоз традиционных экспортных товаров (в 1917 г. стоимость экспорта составила лишь 4.3% по сравнению с 1913 г.),⁴ а российский импорт в этот период состоял главным образом из предметов военного снаряжения и оборудования для оборонной промышленности. Естественно, что все это поступало прежде всего из союзных держав, заинтересованных в активном участии России в войне. Вместе с тем за годы войны возрос экспорт Швеции в Россию и Финляндию по железной дороге из Гётеборга к русской границе.⁵

После победы Октябрьской революции и выхода России из войны довольно рано выявилось стремление к установлению прямых торговых контактов между РСФСР и Швецией. Уже в декабре 1917 г. Наркоминдел получил предложение шведского правительства восстановить пароходное сообщение между Швецией и портами Финляндии, которая еще не выделилась к тому времени из состава России.⁶ В январе 1918 г. представители шведских деловых кругов, озабоченные социалистическими мероприятиями в области экономики, осуществляемыми пролетарским государством, прибыли в Советскую Россию с целью получить разрешение на вывоз различных товаров, заготовленных ранее

² История становления советско-скандинавских экономических отношений до сих пор изучена в незначительной степени. Некоторое внимание этой проблеме уделено в следующих работах: Б. Е. Штейн. 1) Торговая политика и торговые договоры Советской России 1917—1922. М.—Пг., 1923; 2) Внешняя торговая политика СССР. М.—Л., 1925; Р. Ф. Карпова. Красин-дипломат. М., 1962; М. Сопкин. Окно во внешний мир. Экономические связи Советского государства в 1917—1921 гг. М., 1964; А. С. Кан. Новейшая история Швеции. М., 1964, и др.

³ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1915 г., ч. I, Пг. 1917. стр. III, IV.

⁴ М. Кауфман и Л. Зиман. Внешняя торговля. БСЭ, т. 11, М., 1930, стлб. 719.

⁵ См.: А. С. Кан, ук. соч., стр. 37.

⁶ Центральный государственный архив военно-морского флота СССР (далее — ЦГАВМФ), ф. Р-342, оп. 1, д. 623, лл. 26—28.

шведскими фирмами.⁷ Со своей стороны Советское правительство предприняло первые шаги по налаживанию торгово-экономических связей со Швецией. В начале 1918 г., воспользовавшись присутствием в Петрограде группы левых социалистов из нейтральных стран — Ц. Хёглунда и К. Чильбума (Швеция), Э. Ниссена (Норвегия) и др., — сотрудники отдела внешней торговли ВСНХ и Народного комиссариата торговли и промышленности (НКТП) обсудили с ними вопрос об организации в Швеции, Норвегии и Дании рабочих комиссий из представителей профсоюзов, левых социалистов, кооперативов для контроля над ввозом и вывозом в Советскую Россию. Было решено поручить Хёглунду и Ниссену организовать такие комиссии в Швеции и Норвегии.⁸ В соответствии с этим решением в Швеции была создана и некоторое время функционировала Социалистическая комиссия для товарообмена с Россией.⁹

Каких-либо данных о работе этих первых торговых представительств Советской России нет, но сам факт их появления весьма интересен. По всей вероятности, принятые меры, с одной стороны, вызывались трудным международным положением Советского государства в начале 1918 г., а с другой — отдавали дань тем представлениям о неизбежной в скором времени европейской революции, которые были широко распространены зимой 1917—1918 гг. Действительно, решительный отказ капиталистических государств от мирных переговоров с Советской Россией, отсутствие официальных контактов заставляли прибегать в целях установления деловых отношений к посредничеству авторитетных левосоциалистических лидеров ряда государств. Поэтому вполне логично было на первых порах поручить и внешнеторговые функции шведским социалистам во главе с Хёглундом, пока там отсутствовал какой-либо советский аппарат. Вместе с тем безотчетная вера в близкие революционные потрясения приводила к переоценке возможностей такого рода представительств, деятельность которых либо пресекалась в самом начале, либо не имела никаких ощутимых результатов.

С весны 1918 г., когда обе стороны смогли уже лучше оценить реальное положение вещей, предпринимаются взаимные попытки установить торгово-экономические связи с учетом особенностей и различий хозяйственного организма Швеции и Советской России. В апреле 1918 г. полномочное представительство РСФСР в Швеции во главе с В. В. Воровским начало переговоры с несколькими фирмами о заключении торговых контрактов.¹⁰ 27 мая 1918 г.

⁷ Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (далее — ЦГАНХ), ф. 413, оп. 1, д. 20, л. 87.

⁸ «Народное хозяйство», 1918, № 1, стр. 11.

⁹ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 1, д. 20, л. 135.

¹⁰ В. В. Воровский, находившийся в Стокгольме в качестве политического эмигранта, был назначен полномочным представителем Республики

эти переговоры привели к коммерческому соглашению с фирмой «Ионсон и К^о». Сделка предусматривала компенсационный обмен товарами на сумму в 7 млн кроп. Шведская фирма должна была поставить в адрес Народного комиссариата торговли и промышленности 2 млн кос, зубья для борон, пилы и т. д. Советская Россия в качестве эквивалента обязывалась отправить фирме лен и пеньку.¹¹ Касаясь отношения деловых кругов Швеции к возобновлению экономических связей с Россией, В. В. Воровский в одном из своих интервью отмечал, что при избытке предметов производства, изготовлявшихся промышленностью Швеции, там ощущался острый недостаток многих видов сырья. «Торговые круги Швеции, — говорил далее Воровский, — чувствуют необходимость и ищут путей к развитию широкого товарообмена с Россией. Боязнь революционной заразы из России безусловно существует, но экономические интересы преодолевают боязнь. Этим объясняются те многочисленные предложения об установлении экономических сношений, которые мы имеем как со стороны шведских торгово-промышленных кругов, так и со стороны шведского правительства».¹²

Деловые круги Швеции не ограничивались контактами с миссией Воровского в Стокгольме, а решили выяснить возможность более тесных экономических отношений в государственном масштабе. В апреле—мае 1918 г. в Советскую Россию была направлена королевская шведская торговая делегация во главе с генеральным консулом К. Н. Видерстремом.¹³ Делегация вела переговоры о торговых отношениях с рядом советских хозяйственных органов. В этот же период посольство Швеции представило в НКТиП большой список товаров, которые могли бы послужить предметом обмена во внешней торговле со стороны шведских фирм. Он содержал перечень разного рода сельскохозяйственных машин и орудий, оборудования для ряда отраслей промышленности, электротехнической аппаратуры, двигателей, бытовых машин, хирургических инструментов, изделий из железа и стали и т. д.¹⁴

24 мая 1918 г. вопрос о предложениях шведской делегации, связанных с возобновлением товарообмена, был внесен Г. В. Черным на заседание Совнаркома, который рекомендовал рассмотреть его в Совете внешней торговли при НКТиП.¹⁵ Несколько

Советов в Скандинавских странах вскоре после Октябрьской революции (см.: М. П. Иропников. Создание советского центрального государственного аппарата. М.—Л., 1966, стр. 255—256).

¹¹ См.: ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 150, л. 2 (отчет торгового отдела при Стокгольмской миссии РСФСР за 1918—1919 гг.).

¹² «Известия», 15 июня 1918 г.

¹³ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 150, л. 3.

¹⁴ «Известия», 23 мая 1918 г.

¹⁵ Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 19, оп. 1, д. 124, л. 5.

дней спустя между представителями королевской торговой делегации и руководителем НКТиП М. Г. Бронским было подписано соглашение о поставках в Россию из Швеции сельскохозяйственных машин на 2 250 000 крон по льготным ценам. Взамен этого делегация имела право вывезти закупленные ею до 22 апреля 1918 г. жезть, медь и минеральные масла.¹⁶ Первые сделки позволили пачать непосредственный товарообмен между двумя государствами. С 28 мая 1918 г. открылись регулярные рейсы шведских торговых судов в Петроградский порт.¹⁷ Однако становление советско-шведских торговых отношений сопровождалось рядом осложнений. Представители некоторых шведских фирм в России, не вполне сознавая еще суть государственной монополии внешней торговли РСФСР, введенной декретом СНК 22 апреля 1918 г., или игнорируя ее, пытались в обход Наркомторгпрома заключать сделки с частными лицами. НКТиП вынужден был обратиться в шведское консульство с разъяснением, что все такие контракты подлежат аннулированию.¹⁸ Отдельные шведские коммерсанты, по-видимому, считали, что в торговле с «большевиками» можно не следовать обычной деловой этике, и прибегали к открытому надувательству.¹⁹ Но это были в общем единичные конфликты.

Практика торговых сношений со Швецией выдвинула вопрос о характере торгово-экономических представительств Советского государства за рубежом. Поскольку в 1918 г. Швеция была одним из первых капиталистических государств, которые вступили в коммерческие сношения непосредственно с советскими экономическими ведомствами, здесь раньше всего стал оформляться заграничный торговый аппарат РСФСР. На первых порах, весной и летом 1918 г., когда выявилась возможность организации товарообмена со Швецией, туда приехало с различными поручениями в области закупок более 10 представителей Наркомпрода, НКТиП, Наркомзема, Наркомпочтеля, Петрогубпродкома и других советских ведомств, которые действовали разобщенно.²⁰ В начале августа 1918 г. все они собрались на совещание, которое в принципе признало необходимым организовать при полпредстве единую советскую торговую агентуру из представителей разных

¹⁶ См.: Документы внешней политики СССР, т. I, М., 1957, стр. 341—342.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 640, лл. 2, 5; «Известия», 12 июня, 30 июля 1918 г.

¹⁸ «Известия», 20 июня 1918 г.

¹⁹ Так, фирма «Викадер и Ларсон» по контракту от 10 апреля 1918 г. была обязана поставить в РСФСР 400 тыс. кос в обмен на 3000 пудов масла. 12 июля русское сырье прибыло в Швецию, а фирма, ссылаясь на изменение рыночной конъюнктуры, предложила пересмотреть условия сделки. Характерно, что ее действия вызвали порицание даже со стороны официальных торговых кругов Швеции (см.: ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 150, л. 23).

²⁰ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 150, лл. 6—7.

ведомств и избрало временное бюро торгового агентства в Швеции.²¹

Осенью 1918 г., поскольку торговые отношения со Швецией оживились, полпред РСФСР В. В. Воровский взял па себя инициативу организации торгового аппарата. 14 октября полпредство пригласило на постоянную работу О. Х. Сеппа (Наркомпочтель), который начал организацию Информационного торгового отдела при стокгольмской миссии РСФСР. Задачи его были довольно многообразны: сбор торгово-экономической информации, выдача различных справок, учет сделок, «установление непосредственной связи между отдельными советскими учреждениями и их представителями, с одной — и шведским правительством и частными лицами, с другой стороны», и т. д. 12 ноября 1918 г. состоялось второе совещание представителей различных ведомств, которое, отмечая отсутствие единой торговой агентуры, назначенной центром, постановило «образовать комиссию под председательством Полномочного представителя тов. Воровского . . . и довести об этом до сведения центральных властей». Все сделки, заключенные представителями РСФСР в Швеции, должны были утверждаться этой торговой комиссией. Работа комиссии продолжалась вплоть до разрыва отношений со Швецией, и благодаря ей удалось придать более упорядоченный характер торговым отношениям с деловыми кругами, избавиться от конкуренции в закупках.²² Торговая комиссия в Стокгольме стала прообразом будущих торгпредств Советского государства.

Установление шведско-советских торгово-экономических связей вполне отвечало интересам обоих государств. Осенью 1918 г. обе стороны обсуждали различные вопросы сохранения и расширения взаимных хозяйственных отношений. В сентябре этого года член Президиума ВСНХ Л. Б. Красин направил шведскому королевскому генеральному консулу К. Н. Видерстрему для передачи правительству проект соглашения о транзите шведских товаров через Россию и закупленных для РСФСР датских и норвежских товаров через Швецию.²³ 11 октября 1918 г. полпред РСФСР в Германии А. А. Иоффе телеграфировал Г. В. Чичерину и Л. Б. Красину о беседе с посланником Швеции в Берлине, в которой последний указывал, что ввиду близкого прекращения навигации «Швеция желала бы, чтобы движение (товаров, — В. Ш.) продолжалось всю зиму между Стокгольмом и Ревелем или Балтийским портом, а оттуда железной дорогой до Петрограда».²⁴ Первый опыт непосредственного товарообмена был ус-

²¹ Там же, оп. 1, д. 20, л. 135.

²² Там же, оп. 3, д. 150, лл. 9—12.

²³ Там же, ф. 3429, оп. 1, д. 137, лл. 1—2; ЦГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 620, л. 11.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 620, л. 11.

пешным и позволил перейти к организации советско-шведской торговли на более широкой и планомерной основе.

Еще в июле 1918 г. советская сторона приступила к подготовке торгового соглашения между двумя странами.²⁵ 24 сентября на заседании Президиума Совета внешней торговли при НКТиП был рассмотрен и утвержден проект договора о товарообмене со Швецией на 15 млн крон.²⁶ 28 октября 1918 г. был заключен договор о товарообмене между Советской Республикой в лице НКТиП и шведской торговой делегацией в Петрограде. Соглашение устанавливало компенсационный принцип товарообмена двух государств, определяло стоимость эквивалентного обмена товарами суммой в 15 млн крон, предусматривало заключение отдельных конкретных сделок только в рамках и на основе этого договора. Оно предусматривало также выработку в месячный срок конкретного списка товаров, которые явились бы предметом обмена. В документе оговаривалось также право допуска судов обеих стран под национальным флагом в гавани договаривающихся сторон с правом пользования доками и угольными станциями. Весьма важными для РСФСР были статьи договора, которые фактически исходили из молчаливого признания Швецией принципа монополии внешней торговли РСФСР. Так, статья вторая гласила, что «все сделки по экспорту и импорту товаров со стороны России совершаются исключительно Народным Комиссариатом торговли и промышленности», а статья десятая предусматривала аннулирование всех лицензий на ввоз и вывоз, выданных частным торговым фирмам до заключения соглашения и еще не реализованных.²⁷ 31 октября было подписано добавление к договору, которое определяло основные виды товаров обеих стран для организации компенсационной торговли.²⁸

На основе договора от 28 октября 1918 г. до установления полной экономической блокады Советской России удалось заключить всего два крупных контракта (13 и 27 ноября) со шведским союзом льнопрядильных и джутовых фабрик на продажу ему 211 тыс. пудов льна и пеньки.²⁹ В течение всего же периода с момента национализации внешней торговли РСФСР до начала 1919 г. торговые отношения между двумя государствами носили довольно оживленный характер. Согласно отчету торгового отдела при стокгольмской миссии РСФСР, за это время было заключено 42 сделки со шведскими фирмами, а число предложений, поступивших в отдел от деловых кругов, составило 99. В Швецию

²⁵ «Известия», 30 июля 1918 г.

²⁶ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 3, л. 22.

²⁷ Документы внешней политики СССР, т. I, стр. 704—705.

²⁸ Там же, стр. 705—706.

²⁹ Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (далее: ЛГАОРСС), ф. 1413, оп. 1, д. 1, лл. 23—23 об.; ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 28, л. 13.

из Советской России было вывезено 43 125 пудов льна и пеньки, 84 180 пудов цветных металлов, 30 000 пудов машинного масла, 960 пудов олова и т. д., всего на 10,8 млн крон. Примерно на ту же сумму поступило из Швеции товаров, большинство которых составляли сельскохозяйственные машины.³⁰ По данным петроградского отделения НКТиП, за навигацию 1918 г. из Швеции прибыло 52 парохода, привоз в Петроград составил 211 тыс. пудов, а вывоз в Швецию 220 тыс. пудов товаров.³¹ Весьма показательно также, что товарообмен Советской России со Швецией сократился в 1918 г. по сравнению с 1913 г. не столь разительно, как это имело место в торговле с главными капиталистическими державами. В стоимостном выражении экспорт в Швецию уменьшился в 5 раз, а импорт из нее — в 8 раз.³²

Однако вопреки собственным интересам в начале 1919 г. Швеция была вынуждена подчиниться диктату Антанты, проводившей политику экономической блокады Советской России, и прервать торгово-политические сношения с РСФСР.

В 1918 г. были сделаны первые шаги по установлению торгово-экономических отношений с Норвегией, которые не привели в то время к реальным результатам. Уже в апреле 1918 г. норвежское посольство обратилось в НКТиП с просьбой ознакомить его с проектами в области внешней торговли России, указывая при этом, что Норвегия весьма заинтересована в развитии коммерческих отношений с РСФСР.³³ В это же время ряд крупных норвежских банков предложил Советскому правительству рассмотреть вопрос об участии норвежского капитала в организации русской лесопромышленности.³⁴ Летом того же года Норвегию посетил представитель Наркомпрода РСФСР, который вел переговоры с норвежским правительством об установлении товарообмена. Обе стороны в принципе согласились с необходимостью возобновить торговлю, причем было получено официальное письмо министра торговли о желательности начать коммерческие сношения. В качестве предметов экспорта Норвегия предлагала сельдь, рыбу и консервы, а РСФСР со своей стороны — пеньку, смолу, лен, кожи. Оставалось в будущем лишь выработать соглашение об условиях компенсационного обмена.³⁵ Однако предпринятое осенью 1918 г. давление Антанты на нейтральные государства не позволило в этот период закрепить начавшиеся контакты реальными соглашениями о советско-норвежских экономических отношениях.

³⁰ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 150, лл. 84, 93, 99—103, 131—137, 165—184.

³¹ «Еженедельник СНХ и Экономических комиссариатов Северной области», 1919, № 12, стр. 3.

³² Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. Статистический обзор. М., 1960, стр. 28.

³³ «Известия», 16 апреля 1918 г.

³⁴ Там же, 3 мая 1918 г.

³⁵ Там же, 25 июля 1918 г.

Несколько большее развитие в этот период приобрели коммерческие связи с Данией. Еще весной 1918 г. датские семенные фирмы обратились через посредство своего правительства в Совнарком с предложением о поставке семян в Россию на сумму в 12 млн руб. В качестве компенсации испрашивались лицензии на вывоз из РСФСР клевера, жмыхов и смазочных масел.³⁶ Довольно длительные переговоры по этому вопросу успешно завершились 21 сентября 1918 г. подписанием соглашения между правительством РСФСР и королевской датской миссией в Петрограде о закупке огородных семян у датских фирм.³⁷ Однако это соглашение так и осталось неосуществленным в связи с присоединением Дании к политике экономической блокады. В 1918 г. намечалось и более широкое соглашение с Данией об условиях компенсационной торговли, обеспечении свободного плавания советских судов в порты Дании и т. д. Так, летом 1918 г. инженеру Хильмару Ланге, представителю Объединенного совета народного хозяйства в Копенгагене, НКТиП был передан советский проект компенсационного соглашения по товарообмену между Россией и Данией.³⁸ Кроме того, на основе переговоров с коммерческим атташе датского посольства в Петрограде член президиума ВСНХ Л. Б. Красин и управляющий петроградским отделением НКТиП Ю. В. Пятигорский подготовили «Соглашение о возобновлении торговых сношений Дании и России». Оно предусматривало гарантии советским судам, направляемым в Данию, право реализации русских товаров на датском рынке, содержало примерный перечень экспортных товаров.³⁹ На совещании в Петрограде 27 августа 1918 г. с участием Л. Б. Красина, Ю. В. Пятигорского и А. П. Андерсена были также определены конкретные условия сбыта партии русских товаров, отправленных двумя пароходами в Копенгаген.⁴⁰ Почти одновременно в Москве шли переговоры между Центральной коллегией о пленных и беженцах и генеральным консулом Дании в Москве Гаузенгом, которые привели к соглашению об отправке русского сырья в Данию в обмен на получение оттуда продовольствия для русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии.⁴¹ В сентябре 1918 г. с учетом благоприятных перспектив датско-советских торговых отношений приказом по НКТиП Я. Э. Суриц, полпред РСФСР в Дании, был назначен торговым агентом в этой стране.⁴²

³⁶ Там же, 4 мая 1918 г.

³⁷ См.: Документы внешней политики СССР, т. I, стр. 493—494.

³⁸ «Вестник НКТиП», 1918, № 5—6, стр. 39—42; Archiv ministerstva zahraničních věcí (Praha), Politické Zprávy (далее — AMZV), Kodaň, 1921, č. 162.

³⁹ ЛГАОРСС, ф. 9338, оп. 1, д. 633, л. 44.

⁴⁰ Там же, л. 45.

⁴¹ ЦГАНХ, ф. 3984, оп. 1, д. 10, л. 90.

⁴² «Вестник НКТиП», 1918, № 7—8, стр. 34.

Поздней осенью начался непосредственный товарообмен между двумя странами, прерванный, однако, в самом зародыше установлением экономической блокады РСФСР. По данным Наркомторгпрома, из Дании было получено 13 тыс. пудов колбасы и семян, а в Данию вывезено 117 тыс. пудов льна, пеньки, латунной стружки, досок, фанеры и кустарных изделий.⁴³ Наиболее крупной запродажей в Дании была сделка с фирмой «Стиллинг-Андерсен» на поставку ей льна и пеньки.⁴⁴ Общий же товарооборот между Россией и Данией за 1918 г., включавший и операции до декрета 22 апреля 1918 г., составил, по данным таможенной статистики, 256 560 пудов на сумму 841 тыс. руб. по ценам 1913 г.⁴⁵

* * *

В конце 1918 г. правительства Англии, Франции и США наряду с прямой интервенцией и поддержкой контрреволюционных сил России стали проводить политику экономической блокады Советского государства. Для осуществления своих планов «экономического окружения» союзные правительства применяли два основных метода: 1) политическое давление на нейтральные государства, заинтересованные в торговле с Советской Россией, в целях полного прекращения хозяйственного общения с нею и 2) проведение строжайшей морской блокады.

С осени 1918 г. на правительства Скандинавских государств начинают оказывать все возрастающее дипломатическое воздействие представители Антанты, требующие полного разрыва политических и экономических связей с «большевиками». Примечательно донесение посланника США в Норвегии государственному секретарю от 13 ноября 1918 г., показывающее, насколько грубо и бесцеремонно вмешивались союзники в дела нейтральных государств. В своем донесении представитель США информировал госдепартамент о рекомендациях английского посланника в Норвегии своему правительству. Смысл этих рекомендаций, полностью поддерживаемых, как явствует из донесения, представителями США и Франции, состоял в том, чтобы предложить от имени союзных правительств нейтральным правительствам порвать отношения с РСФСР в целях прекращения «большевистской пропаганды», употребляя для этого в числе других мер и нажим на банки, чтобы «прервать финансовые сделки большевиков». Далее советовалось запросить правительства Скандинавских государств, будут ли они в дальнейшем кооперироваться в борьбе против большевиков, или останутся нейтральными, и в последнем случае пригрозить установлением блокады и исключением их из

⁴³ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 28, лл. 36—37.

⁴⁴ Там же, л. 13.

⁴⁵ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг., стр. 24.

состава участников предстоящей мирной конференции, куда их намеревались пригласить.⁴⁶

По-видимому, союзные представители в Скандинавских государствах получили нужные инструкции своих правительств, так как 25 ноября 1918 г. британский посланник вручил министру иностранных дел Норвегии меморандум, согласованный с другими представителями Антанты, в котором Норвегии и другим Скандинавским государствам предлагалось «в интересах всех стран мира» принять меры против «распространения пропаганды». Конкретно упоминалось требование к банкам прекратить содействие сделкам в рублях. Кроме того, норвежскому правительству давалось понять, что, если оно не примет решительных мер, будет прекращена продовольственная помощь Норвегии. На следующий день американский посланник в Норвегии был информирован министром иностранных дел о предстоящей встрече представителей Швеции, Дании и Норвегии в Копенгагене для выработки «общей позиции в отношении к большевикам».⁴⁷

Поскольку наиболее развитыми были отношения между Советским государством и Швецией, союзники предприняли специальный демарш перед правительством этой страны. 5 декабря американский представитель в Стокгольме в беседе с министром иностранных дел выразил недовольство в связи с наличием «большевистской пропаганды» в Швеции, которая отсюда разносится в США и другие союзные государства. В ответ министр иностранных дел поспешил заверить его, что Швеция уже предприняла необходимые меры. Он сообщил о постепенном отзывании из Советской России всех шведских представителей и выразил надежду на то, что в самое ближайшее время удастся «избавиться от Воровского и его помощников». В донесении об этой беседе американский посланник сообщил также, что аналогичные меры против большевизма следует ожидать и от Дании.⁴⁸ Под сильнейшим дипломатическим воздействием со стороны стран Антанты, под угрозой остракизма, экономических и политических санкций правительства нейтральных государств вынуждены были выполнить все их требования.

⁴⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia, vol. I, Washington, 1931 (далее — Foreign Relations), pp. 726—727.

⁴⁷ Ibid., p. 728. — Впоследствии М. М. Литвинов заявил по этому поводу, что было достигнуто «соглашение между всеми тремя Скандинавскими странами об одновременном разрыве сношений с Россией» (см.: «Известия», 22 января 1924 г.).

⁴⁸ Foreign Relations, p. 730. — США играли наиболее видную роль в организации разрыва отношений между Швецией и РСФСР. М. М. Литвинов отмечал позднее: «С абсолютной точностью исторически установлено, что разрыв сношений с Советскими республиками со стороны Швеции был предпринят во исполнение общего плана тогдашних союзников и, в частности, определенного предложения американского правительства» («Известия», 22 января 1924 г.).

Как развивались дальнейшие события, хорошо показано в докладе полпреда РСФСР в Швеции В. В. Воровского В. И. Ленину от 24 мая 1919 г. «О разрыве дипломатических отношений между Скандинавскими странами и Россией». Советская миссия, учитывая заинтересованность торгово-промышленных кругов Швеции в коммерческих сношениях с Советской Россией, пыталась предотвратить разрыв, воздействуя «на экспортеров и импортеров, у которых в связи с оживившимся прошлой осенью товарообменом особенно разгорелись аппетиты». «Однако, — отмечает далее Воровский, — интересы государств Согласия... оказались могущественнее, чем интересы шведских промышленников и шведских рабочих, среди которых уже началась безработица».⁴⁹ Через день после заверений, сделанных министром иностранных дел американскому представителю, последовали решительные шаги шведского правительства по ликвидации политических и экономических отношений с РСФСР. «В субботу 7 декабря, в час дня, — писал Воровский в докладе В. И. Ленину, — я был приглашен к министру иностранных дел, который заявил мне, что... шведское правительство вынуждено лишить меня правасылки курьеров и права шифра и „предполагает“, что наша миссия покинет Швецию».⁵⁰ День спустя американский представитель в Стокгольме получил коммюнике о результатах этой беседы и информировал о ней госдепартамент, правительства Франции и Англии.⁵¹

Аналогичные меры были предприняты в Дании. 27 декабря 1918 г. представитель РСФСР в Копенгагене Я. З. Суриц был уведомлен министром иностранных дел, что датское правительство решило порвать фактические связи с Советской Россией.⁵² После получения гарантий о безопасном проезде советских представителей через Финляндию, 21 января 1919 г. шведский министр иностранных дел потребовал отъезда советской миссии «без дальнейших проволочек».⁵³ 30 января В. В. Воровский, М. М. Литвинов, Я. З. Суриц и весь состав дипломатических и торговых работников миссий в Стокгольме и Копенгагене покинули Швецию. Еще раньше, 10 декабря 1918 г., из Советской России выехал последний шведский торговый агент.⁵⁴ Таким образом, были прерваны политические, а вслед за тем и только начавшие устанавливаться экономические связи с нейтральными государствами.

⁴⁹ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), ф. 130, оп. 2, д. 105, л. 2.

⁵⁰ Там же, л. 3; см. также: Отчет НКВД VII съезду Советов. М., 1919, стр. 14.

⁵¹ Foreign Relations, pp. 730—731.

⁵² ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 105, л. 16.

⁵³ Там же, л. 34.

⁵⁴ «Экономическая жизнь», 12 декабря 1918 г.

Заставив Скандинавские государства прервать всякие официальные сношения с Советской Россией и обеспечить таким образом «экономическое окружение» в принципе, союзные правительства взяли на себя труд практической организации блокады, которая свела бы на нет попытки деловых кругов этих стран на свой страх и риск осуществлять сделки с советскими организациями или стремления последних проникнуть на внешние рынки нелегально. Поскольку сухопутные границы РСФСР в этот период определялись линиями фронтов против интервентов и белогвардейцев, их использование для внешнего товарообмена было почти исключено. Главной задачей держав Антанты оставалось осуществление блокады морского побережья, которая окончательно отрезала бы Советскую Россию от зарубежных рынков.

Самым важным этапом в организации морской блокады было перекрытие путей товарообмена через Финский залив и Балтийское море. Учитывая, что в распоряжении Советской России на всем протяжении гражданской войны и интервенции оставался крупнейший в стране петроградский морской порт, военно-морские силы союзников постарались всеми мерами захлопнуть это единственное оставшееся «окно в Европу», не допуская его использования для снабжения блокированной республики извне. Уже 11 ноября 1918 г. английский Форт Оффис запросил адмиралтейство о его готовности послать военные корабли на Балтику.⁵⁵ Учитывая опасность морской блокады Балтийского побережья РСФСР, Г. В. Чичерин сообщал 16 ноября 1918 г. в ответ на запрос Морского генштаба, что «вполне допустим случай появления на Балтике флота держав Согласия и что в случае отправки русских пароходов в иностранные порты они могут быть захвачены».⁵⁶ И действительно, спустя три дня, 20 ноября 1918 г., военный кабинет Ллойд Джорджа признал необходимым продемонстрировать силы британского флота в Балтийском море, чтобы способствовать усилению борьбы «населения этой части мира против большевизма и содействовать там интересам Великобритании». Адмиралтейству было предложено послать эскадру легких крейсеров, сопровождаемых 9 эсминцами, в направлении Зунда с последующим курсом на Ревель.⁵⁷

В начале декабря английские корабли появились на рейдах Ревеля и Либавы. В течение 1919 г. военно-морские силы Англии, Франции и США, дислоцировавшиеся в Ревеле, Риге, Гельсингфорсе и Выборге, блокировали Финский залив и Балтийское море.⁵⁸ Главную роль несомненно играл в этом районе британский

⁵⁵ G. Bennet. Cowan's War. The Story of British naval operations in the Baltic, 1918—1920. London, 1964, pp. 29, 31.

⁵⁶ ЦГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 643, л. 7.

⁵⁷ G. Bennet, op. cit., p. 32.

⁵⁸ ЦГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 643, лл. 6—7, 11; ф. Р-1, оп. 3, д. 11, лл. 6—7.

флот, насчитывавший 238 военных и вспомогательных судов, в числе которых было 23 крейсера, 85 эсминцев, один авианосец (с 55 самолетами), 20 подводных лодок, 2 минных заградителя, 18 минных тральщиков и т. д. Военно-морские силы Франции, действовавшие в тесном взаимодействии с английской эскадрой, насчитывали 26 боевых кораблей, США — 14, Италии — 2.⁵⁹

К началу 1919 г. военно-морские силы союзников полностью господствовали на Балтике и в Финском заливе. Одной из их основных задач было полное прекращение внешней торговли РСФСР через Петроградский порт, который находился под особо бдительным надзором английского флота. В официальном заявлении МИД Финляндии, сделанном в ответ на протест шведского правительства в связи с захватом шведских судов, направлявшихся в Россию, откровенно признавалось, что «английские военно-морские силы заминировали устье петербургской гавани и английский военно-морской отряд расположен в этой части залива, чтобы препятствовать мореходству в упомянутый город».⁶⁰

Проведение морской блокады тотчас же сказалось на торговле РСФСР со Скандинавскими государствами, которая осуществлялась исключительно морским путем через Петроградский порт. Первая же попытка начать торговое мореплавание под советским флагом, предпринятая в конце 1918 г., закончилась неудачей и показала почти полную невозможность использовать Балтийское море для получения из-за границы необходимых республике товаров.

Предпринимая шаги по отправки первых судов под советским флагом с грузом в Скандинавские государства, Советское правительство, учитывая сложную международную обстановку, позаботилось о получении гарантий их безопасности. Уже в августе 1918 г. были получены предварительные гарантии от шведского и норвежского правительств,⁶¹ а затем осенью 1918 г. они были зафиксированы в соглашениях со Швецией и Данией.⁶² Хотя и после получения необходимых гарантий заинтересованные советские органы выражали опасения за судьбу предназначенных к отправке в заграничное плавание судов,⁶³ было все же решено в интересах развития товарообмена послать в порты Скандинавских государств пять пароходов с грузом компенсационных товаров.

⁵⁹ G. Venner, *op. cit.*, p. 227.

⁶⁰ «Известия», 24 октября 1919 г.

⁶¹ ЛГАОРСС, ф. 9398, оп. 1, д. 633, л. 41.

⁶² Документы внешней политики СССР, т. I, стр. 705; т. II, М., 1958, стр. 734—735.

⁶³ Эти опасения, особенно обострившиеся после разрыва отношений с Германией, нашли отражение в большой, исполненной беспокойства переписке между НКВД, Наркомторгпромом, Трансбалтом и морским ведомством РСФСР (см.: ЛГАОРСС, ф. 9398, оп. 1, д. 20, лл. 312—312 об.; д. 638, лл. 4—31).

Первым 14 ноября 1918 г. отбыл из Петрограда в Копенгаген пароход «Федерация», 1 декабря вышли «Северная коммуна» в Копенгаген и «Циммервальд» в Стокгольм, 8 декабря — «Республиканец» и «Лассаль» в Стокгольм. Все пять пароходов повезли товары (лен, лес, фанеру, металлический лом) общим весом в 5607 т для обмена их на изделия промышленности Скандинавских стран.⁶⁴ Кроме того, были подготовлены и ожидали отправки еще 6 пароходов с 401580 пудами груза.⁶⁵ Советское правительство пристально следило за рейсом «Федерации», рассматривая его как пробный шар в деле использования собственного морского транспорта во внешней торговле. Нарком торговли и промышленности Л. Б. Красин специально сообщил В. И. Ленину о прибытии парохода в Копенгаген.⁶⁶ Однако именно «Федерации» пришлось первой испытать на себе последствия нажима Антанты на Скандинавские государства и силу устанавливаемой блокады. Прибывшая 20 ноября 1918 г. на рейд Копенгагена «Федерация» не получила разрешения на разгрузку и десять дней стояла под надзором датского миноносца. Полпред в Дании Я. З. Суриц и представитель Главного управления водного транспорта РСФСР в Скандинавии Н. Н. Рыбинский в связи со слухами о готовящемся аресте судна снеслись с В. В. Воровским по телеграфу, и было решено направить пароход в Стокгольм. «Утром 29-го „Федерация“ снялась, — сообщал Н. Н. Рыбинский из Стокгольма 2 декабря 1918 г., — а 30-го на рейд Копенгагена пришла английская эскадра легких судов, и в вечерних газетах появилась довольно откровенная заметка, что если бы „Федерация“ не ушла из Копенгагена, то ей не пришлось бы уйти вовсе».⁶⁷ Однако и в Стокгольме советский пароход не ожидало ничего хорошего. Хотя судно встало на разгрузку, которая тянулась более полутора месяцев, команда была лишена возможности сойти на берег.⁶⁸ После выгрузки судно было задержано в Стокгольме, часть экипажа выслана в Советскую Россию. В 1919 г. «Федерация» по иску бывшего владельца парохода, латвийского подданного, была передана Латвии.⁶⁹

Плавание остальных четырех судов было еще менее успешным. Оно проходило уже в условиях, когда союзная эскадра входила в Балтийское море и нейтральные государства полностью подчинились требованиям правительств Антанты. В первой половине декабря все советские пароходы были захвачены в Ревеле

⁶⁴ ЛГАОРСС, ф. 9398, оп. 1, д. 20, л. 319; ЦГАНХ, ф. 6956, оп. 3, д. 79, л. 41.

⁶⁵ ЦГАНХ, ф. 6956, оп. 3, д. 79, л. 41.

⁶⁶ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 496, л. 59.

⁶⁷ ЛГАОРСС, ф. 9398, оп. 1, д. 635, лл. 57—58.

⁶⁸ Там же, лл. 65, 69—71, 77.

⁶⁹ ЦГАНХ, ф. 6956, оп. 3, д. 79, лл. 387—388. — Подробнее о рейсе «Федерации» см.: М. Соикин, ук. соч., стр. 88—98.

местными властями, причем, как сообщал позднее один из матросов парохода «Республиканец», «в это время как раз заметили, что с моря прибыла в Ревель английская эскадра».⁷⁰ Протест, заявленный правительством РСФСР Великобритании в ноте от 2 февраля 1919 г., результата не имел.⁷¹

Не лучшим оказалось и положение судов Скандинавских государств, направлявшихся в РСФСР с товарами, закупленными советскими внешнеторговыми организациями. В декабре 1918 г. в Выборге был наложен арест на шведские пароходы «Нильс Эрик» и «Суннинген», которые везли в Советскую Россию сельскохозяйственные орудия и семена.⁷²

Печальный опыт возобновления торгового мореплавания под советским флагом и арест шведских судов показали, что морская блокада вступила в действие и что получение необходимых республике товаров через Балтийское море невозможно.

Хотя Скандинавские государства были вынуждены подчиниться диктату Антанты, установившей экономическую блокаду, Советское правительство стремилось использовать их заинтересованность в торговле с Россией. Оно шло навстречу попыткам деловых кругов этих стран продолжать коммерческие сношения с РСФСР, вступало с ними в контакты, выискивая способы прорвать блокаду и побудить правительства Скандинавских государств отказаться от содействия «экономическому окружению». Особенно последовательно и устремленно эта попытка проводилась по отношению к Швеции, торгово-промышленные круги которой проявили наибольший интерес к торговле с Советской Россией.

Обладая высокоразвитой промышленностью, Швеция начиная с 1919 г. испытывала острую потребность в сбыте изделий своей индустрии. За годы войны, используя выгодную конъюнктуру и свое нейтральное положение, Швеция увеличила производство многих отраслей промышленности, создала ряд новых, в том числе химическую. Возрос экспорт; пассивный прежде платежный баланс стал активным. Однако к концу войны вследствие конфликта с Англией, установившей фактическую блокаду торговли Швеции с Германией, многие виды экспортных товаров не находили сбыта, цены на них начали падать. Исчерпание промышленного сырья и топлива привело к сокращению производства в ряде отраслей экономики.

После войны произошли серьезные изменения в характере внешней торговли страны: импорт стал сильно преобладать над экспортом. Уже за 1919 г. пассив платежного баланса превысил

⁷⁰ См.: ЛГАОРСС, ф. 9398, оп. 1, д. 801, л. 39; см. также: д. 800, л. 2.

⁷¹ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 56—57.

⁷² «Экономическая жизнь», 5 августа 1920 г.; ЛГАОРСС, ф. 1413, оп. 9, д. 5, лл. 21—22.

полмиллиарда крон.⁷³ В силу этих обстоятельств шведские предприниматели даже в условиях блокады продолжали заключать сделки с советскими организациями, надеясь преодолеть препятствия на пути товарообмена между двумя странами. Так, в январе 1919 г. Петроградское отделение НКТиП подписало контракт со стокгольмской фирмой «Мильтон и К^о» на поставку 600 млн коробок спичек транзитом через Финляндию. Правда, сделка сопроваждалась вполне объяснимой для того времени оговоркой, гласившей, что «в случае политических осложнений, препятствующих выполнению договора, действие его приостанавливается впредь до устранения возникших препятствий».⁷⁴

В марте 1919 г. представитель фирмы «Гольстрем и Тунельд» обратился к И. Б. Красину с предложением поставлять в неограниченных размерах электрооборудование, различного рода машины и железнодорожные материалы. Предложение это в принципе было принято, но его реализация всецело зависела от международных условий.⁷⁵ В этот же период уполномоченный шведского правительства в Петрограде вел переговоры с тамошним представителем НКИД о способах поддержки торговли и исполнения заключенных ранее договоров до открытия навигации. Был затронут также вопрос о реализации товаров ряда шведских фирм, находившихся в Советской России.⁷⁶ В апреле 1919 г. Петроградское отделение НКТиП заключило 2 договора со шведскими фирмами на закупку шарикоподшипников и галантерейных товаров.⁷⁷ Разумеется, большинство указанных сделок оказалось нереализованным вследствие блокады. Однако они весьма показательны с точки зрения тяги деловых кругов Швеции к торговле с Советской Россией.

Весной 1919 г. имел место и факт прорыва морской блокады, предпринятый торговым судном «Эскильстуна-III».⁷⁸ Этот шведский пароход, вышедший из Стокгольма с грузом пил, топоров и кос на сумму в 275 тыс. крон еще 21 января, зимовал из-за ледостава в Финляндии. В конце апреля он взял курс на Петроград и, благополучно миновав английские и финские сторожевые суда, 11 мая прибыл в Кронштадт.⁷⁹ 27 мая 1919 г. владельцу парохода Энгстронду коллегией НКТиП была выдана доверенность, гарантирующая полную сохранность всех товаров, которые будет в дальнейшем привозить «Эскильстуна-III», «если швед-

⁷³ См.: А. С. К а н, ук. соч., стр. 39—40, 62—63.

⁷⁴ «Еженедельник СНХ и экономических комиссаратов Северной области», 1919, № 9, стр. 3; ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 98, л. 12.

⁷⁵ ЦГАНХ, ф. 3984, оп. 1, д. 370, л. 43; «Известия», 25 апреля 1919 г.
⁷⁶ «Еженедельник СНХ и экономических комиссаров Северной области», 1919, № 42, стр. 2; «Экономическая жизнь», 22, 23 марта 1919 г.

⁷⁷ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 28, л. 43.

⁷⁸ Подробнее см.: М. С о н к и н, ук. соч., стр. 107—109.

⁷⁹ «Вестник НКТиП», 1919, № 9—10, стр. 39; «Экономическая жизнь», 13 мая 1919 г.

ским судам удастся пробраться через блокаду», и содержащая обязательство закупать эти товары.⁸⁰ 31 мая судно вышло в обратный путь с грузом льна, направленного НКТиП в адрес фирмы «Альмгрен и Ларсен», и благополучно достигло Швеции.⁸¹

Первый рейс «Эскильстуны-III» примечателен не только как факт прорыва морской блокады. Еще большее значение имело то обстоятельство, что этим рейсом в РСФСР прибыла группа представителей деловых кругов Швеции во главе с адвокатом В. Хеллбергом. Последний вел в Москве переговоры с Л. Б. Красиным и другими членами коллегии НКТиП. В ходе этих переговоров блестяще осуществлялась тактика воздействия на деловые круги Швеции, а через них на правительство в целях прорыва экономической блокады. В ответ на просьбу шведского Союза льнопрядильных и джутовых заводов, переданную через Хеллберга, об отправке уже нагруженных в Петрограде пароходов со льном и пенькой по старым договорам коллегии НКТиП согласилась на это при соблюдении ряда условий. К ним относились возобновление аккредитива в стокгольмских банках на имя НКТиП, материальная гарантия со стороны шведского правительства в отношении отправляемых пароходов, разрешение правительства вывезти на них товары, ранее закупленные и оплаченные Советской Россией, допущение советского торгового представителя в Стокгольм.⁸² На переданное тем же Хеллбергом от имени группы шведских промышленников предложение о возобновлении торговых сношений с РСФСР было официально заявлено, что «Российское Советское правительство готово в любой момент открыть свои границы для ввоза шведских товаров» при условии обмена официальными торговыми представительствами, которые обеспечивали бы товарообмен до заключения торгового договора.⁸³

Учитывая, что шведское правительство вряд ли сразу решится на такие смелые шаги без разрешения союзных держав, члены коллегии НКТиП вместе с В. Хеллбергом разработали план практической организации товарообмена между двумя странами, который был связан с созданием торговой агентуры РСФСР в Швеции под ширмой фиктивного шведского акционерного общества «Рюрик». Это общество предполагалось учредить на основе шведских законов. Хеллберг и ряд его доверенных лиц шведской национальности должны были стать номинальными владельцами общества. На самом же деле держателем всех акций стал бы Нар-

⁸⁰ ЛГАОРСС, ф. 1413, оп. 9, д. 5, лл. 19, 22.

⁸¹ В августе 1919 г. «Эскильстуна-III» вновь прибыла в Петроград, имея на борту 42 тысячи пил. Однако обратный рейс в Швецию был неудачным: пароход был задержан английским сторожевым судном, а груз конфискован (см.: «Экономическая жизнь», 22, 28 августа, 26 сентября 1919 г.).

⁸² ЛГАОРСС, ф. 1413, оп. 9, д. 5, л. 17.

⁸³ Там же, л. 18.

комторгпром. Задачей этого «шведского» общества была экспортно-импортная торговля с Россией и транспортировка товаров. Хеллберг уполномочивался также НКТиП принимать в свое распоряжение все товары Советского государства, находившиеся в Швеции и Дании. Кроме того, предполагалось купить от имени «Рюрика» арестованные в Выборге с грузом пароходы «Суннинген» и «Нильс Эрик» с тем, чтобы их принадлежность к шведскому торговому флоту, а следовательно, и безопасность груза были сохранены.⁸⁴ Судя по всему, эти планы оказались неосуществленными, но сама идея создания торгового представительства РСФСР под флагом частной фирмы была спустя год уже в более благоприятных международных условиях воплощена в лондонском «Аркосе».

Визит Хеллберга не был единственным эпизодом, характеризовавшим стремление деловых кругов Швеции установить прямые контакты с советскими представителями. За ним последовала поездка другого представителя торгово-промышленного мира этой страны Б. Альмгрена, который в течение двух месяцев изучал условия экспорта шведских товаров в Советскую Россию. Б. Альмгрен вел переговоры с Чичериным и Красиным и выявил готовность Советского государства закупить в Швеции товары на сумму в 400—500 млн крон. В качестве компенсации за ввоз сельскохозяйственных орудий, железнодорожного оборудования, автомашин, инструментов, бумаги советские представители предложили лен, кожи, хлопок и т. д. Шведский промышленник, вынесший из своей поездки весьма благоприятное впечатление, высказывал опасения, что медлительность Швеции в вопросе возобновления торговли с Советской Россией может привести к усилению экономических позиций Германии и США в этой стране.⁸⁵

Настроения деловых кругов Швеции в пользу возобновления торговых сношений с РСФСР, усиливавшиеся под влиянием переговоров с советскими представителями и роста экономических затруднений, не могли не отразиться на позиции в этом вопросе шведского правительства. Летом 1919 г. значительные группы шведских промышленников дважды ставили перед своим правительством вопрос о необходимости добиться от союзников разрешения на торговлю с Советским государством через Петроградский порт.⁸⁶ Под давлением буржуазии правительство обратилось с соответствующим запросом к правительствам союзных держав.⁸⁷

Настойчивые попытки торгово-промышленных кругов ряда Скандинавских стран, и прежде всего Швеции, добиться возобновления коммерческих отношений с Советской Россией вызвали

⁸⁴ Там же, лл. 20—23.

⁸⁵ «Известия», 11 сентября 1919 г.

⁸⁶ «Экономическая жизнь», 19 июня, 23 июля 1919 г.

⁸⁷ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia. Washington, 1937, p. 157.

беспокойство руководителей великих держав за судьбу экономической блокады. Их озабоченность усугублялась также тем обстоятельством, что с заключением в июне 1919 г. Версальского мира теряла свою силу блокада по отношению к Германии. Прекращение состояния войны исключало любые чрезвычайные меры, предпринятые союзниками в области международной торговли. К тому же ни одна из великих держав не делала официального заявления об объявлении войны Советской России. В этих условиях «экономическое окружение» РСФСР не имело никакого законного основания, а нейтральные государства, вынужденные подчиниться политике Антанты, не были связаны никакими формальными обязательствами в отношении участия в блокаде. Поэтому руководители великих держав предприняли шаги, направленные на преодоление скрытого сопротивления политике экономической блокады со стороны нейтральных государств, и попытались подыскать «законную» форму, которая позволила бы связать обязательством активного участия в блокаде их правительства.

29 сентября 1919 г. главы делегаций Англии, Франции и США на совещании в Париже приняли решение направить согласованную ноту правительствам нейтральных государств от имени союзных и объединившихся держав с предложением принять активное участие в политике экономической блокады Советской России.⁸⁸ В октябре 1919 г. эту ноту получили двенадцать нейтральных государств Европы и Америки, а также Германия. В ней ясно и недвусмысленно были сформулированы все цели и методы политики экономической блокады. Союзные и объединившиеся державы, исходя из того что торговля с Советской Россией может послужить укреплению власти большевиков, предложили нейтральным государствам «вступить в немедленное соглашение с ними о мерах к тому, чтобы воспрепятствовать всякой торговле их граждан с большевистской Россией и чтобы обеспечить строгое проведение этой политики». Среди этих мер указывались таможенные санкции по отношению к судам, идущим в порты Советской России или проходящим из нее, к товарам, намеченным к отправке иным путем; предусматривался отказ в выдаче паспортов лицам, следующим в РСФСР, в разрешении спосылаться с нею посредством почты, телеграфа, радио; банкам предлагалось не вести никаких операций с большевистской Россией. Заключительный параграф, сообщенный устно, указывал, что британские и французские суда в Финском заливе будут «по-прежнему изменять курс тех судов, бумаги которых выписаны на порты большевистской России».⁸⁹

⁸⁸ Documents on British Foreign Policy 1919—1939, I Series, vol. I, London, 1947, pp. 825—826.

⁸⁹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II. М., 1926, стр. 397—398.

По мысли авторов ноты, благоприятные ответы на нее нейтральных правительств создали бы законное основание для утверждения экономической блокады и пиратских действий союзного флота на Балтике. А сомневаться в благоприятном ответе не приходилось, поскольку небольшие нейтральные государства вряд ли были способны противостоять натиску политической и военной мощи великих держав. Так и произошло. Вскоре английское министерство иностранных дел сообщило о содержании ответов нейтральных правительств, в которых говорилось, что меры, уже принятые ими, находятся в полном соответствии со взглядами, высказанными Верховным советом Антанты.⁹⁰

Пока правительства в типичных министерских кабинетах обдумывали свои ответы на ноту союзников, Советское правительство и широкая общественность Скандинавских государств решительно выступали против нового грубого вмешательства империалистов стран Согласия в дела независимых стран. 20 октября Наркоминдел обратился с нотой к правительствам Швеции, Норвегии, Дании, Нидерландов, Испании и Швейцарии, в которой, осуждая новый факт произвола и нажима со стороны Антанты, предупреждал нейтральные страны, что активное участие в блокаде будет рассматриваться как недружелюбный акт в отношении Советского государства со всеми вытекающими отсюда последствиями.⁹¹

В тот же день в Стокгольме состоялась 15-тысячная демонстрация, организованная социал-демократами в знак протеста против требования Антанты о присоединении нейтральных государств к блокаде Советской России. Ее участники направили в министерство иностранных дел делегацию, руководитель которой К. Випберг зачитал министру заявление, где содержался резкий протест против экономической блокады и выдвигалось требование немедленно возобновить сношения с Советской Россией. Министр во время беседы с делегацией заметил, что «в этом вопросе имеются еще и другие обстоятельства, которые также приходится принимать во внимание».⁹² Что это за обстоятельства, мы уже знаем из вышеизложенного.

17 ноября 1919 г. в Христиании состоялся митинг протеста против экономической блокады, созванный студенческими и рабочими организациями Норвегии. В резолюции, принятой участниками митинга, правительству было высказано требование отказаться от участия в блокаде Советской России и возобновить прерванные торговые отношения.⁹³ И хотя правительства Скандинавских государств были вынуждены подтвердить свою лояльность

⁹⁰ См.: «Известия», 28 ноября 1919 г.

⁹¹ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 263—264.

⁹² «Известия», 30 ноября 1919 г.

⁹³ Там же, 20 декабря 1919 г.

в отношении политики экономической блокады, было ясно, что эти страны отнюдь не являются надежным звеном в цепи «экономического окружения» РСФСР, созданного союзниками.

* * *

Уже в начале 1920 г. правительства великих держав были вынуждены отказаться от политики экономической блокады Советской России. Успехи Красной Армии в борьбе с силами контрреволюции, мир с Эстонией, заинтересованность капиталистических стран в русском сырье и ряд других причин привели к крушению политики блокады. 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение о возобновлении торговли с «русским народом» через кооперативы. На основе этого решения для переговоров с представителями Верховного экономического совета через Финляндию и Швецию в Копенгаген в начале апреля 1920 г. прибыла советская экономическая делегация во главе с Л. Б. Красиным.

Еще до ее приезда шведские фирмы обратились к М. М. Литвинову (который с конца ноября 1919 г. вел переговоры в Копенгагене с английским представителем О'Грэди об обмене пленными) с многочисленными предложениями сделок. Литвинов выставил предварительным условием размещения заказов в Швеции возобновление хотя бы полуофициальных отношений с ее правительством.⁹⁴ Однако в этот период правительство Брантинга — Пальмшерна отрицательно отнеслось к предложению советского представителя приехать в Стокгольм, чтобы обсудить условия возобновления торговли. Из переписки Керзона с английскими представителями в Стокгольме и Копенгагене (март—апрель 1920 г.) видно, что правящие круги Швеции в то время и не помышляли о каких-либо прямых политических контактах с Советским государством.⁹⁵ Между тем приезд делегации Красина в Стокгольм и ее недельное пребывание в Швеции выявили огромный интерес делового мира этой страны к торгово-экономическим отношениям с Советской Россией. «Швеция буквально задыхается от невозможности сбывать свои товары», — сообщал Л. Б. Красин в докладе В. И. Ленину.⁹⁶ В Стокгольме была предпринята попытка завязать переговоры со шведским правительством и представителями торгово-промышленного мира. Шведское правительство уклонилось от непосредственных переговоров с делегацией, однако министр иностранных дел Пальмшерна имел

⁹⁴ Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов (1919—1920). М., 1921, стр. 32—33.

⁹⁵ Documents on British Foreign Policy 1919—1939, I Series, vol. XII, London, 1962, pp. 684—694.

⁹⁶ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 17, д. 16, л. 11.

неофициальную беседу с Красиным.⁹⁷ Пальмшерн в своем заявлении по этому поводу отметил, что обмен мнениями не привел к какому-либо соглашению, поскольку шведское правительство ожидает «результатов поездки делегации в Лондон». «Наши дальнейшие шаги, — продолжал он, — будут зависеть от того, что решат союзные державы насчет возобновления торговли с Россией».⁹⁸ Пока правительство выжидало, действовали шведские промышленники и торговцы. В Стокгольме Красин начал переговоры с концерном шведских фирм, объединявшим 13 акционерных обществ, об условиях поставки изделий шведской промышленности на значительную сумму. В Копенгагене эти переговоры были продолжены и привели к соглашению, основные пункты которого были сообщены Красиным в Москву. Одновременно была подготовлена сделка с фирмой «Нюдквист и Хольм» на изготовление для РСФСР большой партии паровозов. 8 мая Красину и Литвинову была послана телеграмма, подписанная В. И. Лениным и другими народными комиссарами, в которой условия договоров были признаны удовлетворительными и санкционировались.⁹⁹

На заключительной стадии переговоров, затрагивающих крупные интересы шведской промышленности, правительство уже не могло держаться в стороне. Без определенных гарантий с его стороны реализация согласованных договоров ставилась бы под угрозу. Поэтому между шведским министром иностранных дел и Л. Б. Красиным было заключено особое соглашение, имевшее форму обмена письмами. В письме от 14 мая 1920 г. Пальмшерн выражал согласие правительства на взаимный обмен торговыми делегациями (от РСФСР — Центросоюза, от Швеции — Всеобщего экспортного объединения), в каждой из которых было не менее 15 человек. Члены делегаций наделялись определенными правами (пересылка дипломатической почты, свобода почтово-телеграфных сношений, право шифра и т. д.). Шведское правительство гарантировало неприкосновенность ввозимых советской стороной товаров, золота в размере, предусматриваемом договорами, и т. д. Вместе с тем оно оставляло за каждой из сторон право отвода членов делегаций. На следующий день Красин сообщил Пальмшерне о согласии с содержанием полученного им письма.¹⁰⁰

Договор с концерном шведских фирм от 15 мая предусматривал размещение заказов на самые разнообразные изделия шведской промышленности общей стоимостью в 100 млн крон. Основным условием было внесение советской стороной депозита золотом на

⁹⁷ Documents on British Foreign Policy 1919—1939, I Series, vol. XII, p. 694; Л. Б. Красин. Внешторг и внешняя экономическая политика Советского правительства. Пгр., 1921, стр. 6.

⁹⁸ «Известия», 6 мая 1920 г.

⁹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 51, стр. 341.

¹⁰⁰ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 528—530.

сумму 25 млн кроп в ряд шведских банков в качестве гарантии (заказы первой очереди).¹⁰¹ Второй договор представлял собой предварительное соглашение на поставку в Советскую Россию тысячи паровозов в течение 5 лет и базировался на тех же принципах расчета.¹⁰²

При всей слабости правовых основ договоров от 15 мая, вытекавшей из отсутствия хотя бы отношений де-факто между двумя государствами, и при многих недостатках чисто коммерческого характера эти первые крупные сделки имели очень большое значение для Советского государства. Не говоря уже о том, что их реализация позволила получить значительное число промышленных изделий, в которых остро нуждалась Советская Россия, договоры от 15 мая нанесли первый удар «золотой блокаде», выразившейся в отказе банков союзных держав принимать советское золото в уплату за покупаемые товары. Майские соглашения означали также известный шаг вперед на пути фактического признания Советского государства правительствами западных стран, так как допускаемая на продолжительный период в Швецию делегация Центросоюза была таковой лишь по названию. На деле же и сами договоры заключались с Советским правительством, и эта делегация была не чем иным, как его торговым представительством.¹⁰³ С мая 1920 г. на основании договора с концерном шведских фирм в Стокгольме стала действовать миссия Наркомвнешторга во главе с проф. Э. Ф. Юоном. Она состояла в основном из специалистов и занималась размещением заказов и приемкой изделий от концерна. В связи с выявившимися потребностями и запросами из РСФСР миссия фактически расширила свою деятельность за пределы фирм, входивших в объединение, и давала заказы другим заводам и обществам. В 1921 г. работа по договору с концерном была завершена.¹⁰⁴ В то же время попытка направить в Швецию торговую делегацию, которая одновременно могла бы официально представлять Советское государство и была бы правомочна вести переговоры о заключении торгового договора, наталкивалась на сопротивление шведского правительства. Выдвигаемые с июня 1920 г. кандидатуры М. М. Литвинова, Ф. А. Ротштейна, В. В. Воровского на пост главы торгового представительства РСФСР последовательно отклонялись шведской стороной.¹⁰⁵ Более того, под разными предлогами правительство отказывало в выдаче въездных виз техническим специалистам, входящим в состав миссии.¹⁰⁶

¹⁰¹ Там же, стр. 516—523.

¹⁰² Там же, стр. 523—528.

¹⁰³ Л. Б. Красиц. Внешторг и внешняя экономическая политика советского правительства, стр. 8; Р. Ф. Карпова, ук. соч., стр. 60—62.

¹⁰⁴ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 19, д. 282, л. 205; AMZV, Stockholm, 1921, с. 67.

¹⁰⁵ Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов, стр. 33.

¹⁰⁶ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 17, д. 33, л. 26.

Шведские дипломаты при встречах со своими коллегами из других Скандинавских государств призывали их пренебречь «опытом коммерческих отношений с большевиками», чтобы побудить их также не допускать в свои страны авторитетных представителей Советского государства.¹⁰⁷

Такая политика правящих кругов Швеции ставила под угрозу нормальное развитие экономических отношений между двумя странами. Пленум ЦК РКП(б) в сентябре и Политбюро ЦК в ноябре 1920 г. обсуждали даже вопрос о резком свертывании или прекращении торговых операций в Швеции ввиду противодействия ее правительства нормализации отношений с РСФСР.¹⁰⁸ В письме Г. В. Чичерина и замнаркома НКВТ А. М. Лежавы уполномоченному по железнодорожным закупкам в Швеции проф. Ю. В. Ломоносову от 15 ноября говорилось, что крупные заказы шведской индустрии делают особенно необходимым наличие торговой делегации РСФСР, которая располагала бы достаточным персоналом специалистов и возглавлялась лицами, «пользующимися максимальным доверием Советского правительства». «Между тем,— отмечалось далее,— нет никаких гарантий, что шведское правительство... позволит нам когда-либо надлежащим образом организовать нашу торговую миссию в Швеции. Оно фактически срывает заключенное еще семь месяцев тому назад с Красным соглашение, порождая у нас серьезные сомнения в возможности продолжения торговых операций в Швеции. Ввиду вышеизложенного мы вынуждены просить Вас задержать назначенное к отправке золото впредь до получения от Шведпрагеобходимых объяснений и гарантий. Разъясните шведским банкам, что ответственность за задержку и возможность аннулирования договоров падает исключительно и всецело на шведское правительство».¹⁰⁹ По-видимому, этот демарш Советского правительства возымел действие, так как в январе 1921 г. наконец произошел обмен торговыми делегациями между Швецией и РСФСР. Главой советской торговой делегации, а фактически полпредом, стал видный партийный работник П. М. Керженцев.¹¹⁰

Примерно так же, хотя и в меньших объемах, развивались экономические отношения между Советской Россией и Данией. В силу соображений высшей политики держав Антанты в Копенгагене сначала в связи с переговорами о военнопленных, а затем по настоянию Советского правительства длительное время

¹⁰⁷ Documents on British Foreign Policy 1919—1939, I Series, vol. XII, pp. 771—772.

¹⁰⁸ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее, — ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 2, д. 34, л. 1; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 555.

¹⁰⁹ ЦГАНХ, ф. 4038, оп. 1, д. 33, лл. 50—53.

¹¹⁰ AMZV, Stockholm, 1921, с. 16. — К маю 1921 г. советская торговая миссия в Стокгольме насчитывала 25 человек, включая технических работников и членов семей (Ibid., с. 67).

находился М. М. Литвинов. Это облегчало положение датского правительства, которое могло не брать на себя ответственности за решение вопроса о допущении политического представителя РСФСР. Позиция его мало чем отличалась от позиции шведского правительства: оно также стояло на точке зрения отказа от непосредственных политических контактов с Советским государством, но не возражало против возобновления торговли между деловыми кругами своей страны и ведомствами РСФСР. В марте 1920 г. после консульаций с английским правительством датское правительство разрешило Литвинову остаться в Копенгагене, открыть коммерческую контору и увеличить штат сотрудников при условии, что он не будет отказываться больше «от сношений с датскими фирмами, от чего он до сих пор умышленно отказывался с целью давления на Данию».¹¹¹ На этих шатких правовых основах и покоились советско-датские торговые отношения в течение всего 1920 г. Литвиновым было заключено несколько сделок по закупке главным образом огородных семян у крупнейших фирм Дании,¹¹² делегация Л. Б. Красина подписала ряд контрактов на поставку в Россию сельскохозяйственных машин, электрооборудования и т. д.¹¹³ Большое значение придавалось договорам Л. Б. Красина с копенгагенской фирмой «Абрагамсон и Гольбех» о создании «Клиринг Хауза», задачей которого было кредитование экспортно-импортных операций между Советской Россией и иностранными, прежде всего датскими фирмами.¹¹⁴ Однако попытка реализации этих договоров, заключенных в апреле 1920 г., оказалась безуспешной. Кредитование было возможно при условии внесения золотом определенного депозита в датский Национальный банк. Между тем, как сообщал глава фирмы английскому посланнику в Копенгагене, хотя ряд сделок был уже согласован, их нельзя было провести в жизнь, так как банк опасается принимать русское золото, «пока союзники не придут к окончательному соглашению о торговле с Россией».¹¹⁵ Тем не менее в ограниченных масштабах фирма посредничала при осуществлении некоторых сделок торговых представителей РСФСР в Дании.¹¹⁶

Постоянные колебания правительства Дании в «русском вопросе», особенно усилившиеся с середины 1920 г. под влиянием обострения отношений между РСФСР и великими державами Запада, вызванного советско-польским конфликтом, привели во второй половине этого года к фактическому прекращению вся-

¹¹¹ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 1, д. 705, л. 28.

¹¹² Там же, л. 29; ф. 484, оп. 5, д. 1, л. 81.

¹¹³ Р. Ф. Карпова, ук. соч., стр. 68.

¹¹⁴ См.: Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 629—631.

¹¹⁵ Documents on British Foreign Policy 1919—1939, I Series, vol. XII,

р. 771.

¹¹⁶ См.: Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 763—764.

ких торгово-политических контактов между двумя странами. Воспользовавшись тем, что в сентябре 1920 г. М. М. Литвинов выехал на короткое время в Норвегию для ведения переговоров, датское министерство иностранных дел отказало ему в выдаче обратной въездной визы. В связи с этим инцидентом торговые работники, оставшиеся в Копенгагене, вынуждены были покинуть Данию.¹¹⁷

Такое состояние политико-экономических отношений с Данией мало устраивало Советское правительство. Осенью 1920 г. Наркоминдел подготовил проект временного торгового договора с Данией, предусматривавший взаимный обмен торговыми бюро, руководители которого пользовались бы некоторыми дипломатическими привилегиями. Проекты обсуждались в Политбюро и Совнарком.¹¹⁸ В декабре 1920 г. представитель Наркоминдела в ответ на запросы одного из руководителей миссии датского Красного Креста в Москве о возможности нормализации отношений между двумя странами в торговых и коммерческих целях заявил, что все зависит от датского правительства, которое пока отказывается от создания необходимых условий для экономических связей, избегая всяких официальных отношений с РСФСР.¹¹⁹

Наиболее благожелательно относилось к перспективам установления отношений де-факто с советским правительством и заключения торгового договора с ним правительство Норвегии. На его позицию в этом вопросе оказывали сильное воздействие коммунистическая партия, а также торгово-промышленные круги, озабоченные сбытом основной своей продукции — рыбы, которая ранее закупалась в значительном количестве Россией. Уже в марте, во время пребывания Литвинова в Копенгагене, правительство Норвегии имело намерение пригласить его в Христианию для переговоров о возобновлении торговли,¹²⁰ однако осуществить этот замысел вряд ли было возможно в условиях бойкота советского представителя правящими кругами союзных держав. Между тем общественное мнение страны все решительнее высказывалось за установление коммерческих сношений с Советской Россией. 4 мая норвежский стортинг создал особую комиссию для рассмотрения этого вопроса, а месяц спустя большинством голосов принял резолюцию, предлагавшую правительству принять меры к немедленному возобновлению торговых сношений с РСФСР.¹²¹

Со своей стороны Наркоминдел уполномочил представителя в Мурманске предложить норвежскому правительству обменяться

¹¹⁷ См.: AMZV, Kodaň, 1921, с. 162.

¹¹⁸ ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 256, лл. 99—103; ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 396, л. 5.

¹¹⁹ Документы внешней политики СССР, т. III, М., 1959, стр. 375.

¹²⁰ Documents on British Foreign Policy 1919—1939, I Series, vol. XII, p. 684.

¹²¹ См.: «Известия», 8 мая, 9, 27 июня 1920 г.

торговыми агентами с целью восстановления традиционных торговых связей между северными районами Норвегии и Советской России. В переписке между Г. В. Чичериным и министром иностранных дел Норвегии советское предложение было положительно оценено последним.¹²² Это позволило направить в Вардэ на севере Норвегии морского и торгового атташе РСФСР, который обеспечил регулярное пароходное сообщение между северными побережьями обеих стран и доставку в Мурманск закупленных им сетей и рыболовных принадлежностей.¹²³ В одной из нот министру иностранных дел Норвегии Г. В. Чичерин поставил также вопрос о прямых переговорах между двумя государствами с целью нормализовать политические и экономические отношения.

В начале августа норвежская сторона дала согласие на ведение переговоров об установлении торговых отношений с РСФСР и на приезд Литвинова в Христианию, однако просила отсрочки, считая «настоящий момент мало благоприятным» для таких переговоров.¹²⁴ Если начало августа было мало благоприятным ввиду назревавшего острого конфликта между союзниками и Советским государством в связи с наступлением на Варшаву, то события сентября и октября, когда Литвинов прибыл в Христианию и начал переговоры, тоже не способствовали их успеху. Они совпали с резким переломом в настроении западноевропейской буржуазии, вызванным военными неудачами Советской России в войне с Польшей, следствием чего явилось отклонение норвежским правительством советского проекта торгового соглашения.¹²⁵

Политико-экономические отношения РСФСР со Скандинавскими странами в рассматриваемый период при всей их ограниченности и неустойчивости сыграли довольно важную роль в удовлетворении самых насущных потребностей Советского государства. В связи с тем что на протяжении значительной части 1920 г. был фактически закрыт доступ на рынки главных западных держав, а слаборазвитая в промышленном отношении Эстония многого дать не могла, Скандинавские государства выдвигаются на видное место в торговом обороте Советской России этого времени.¹²⁶

¹²² Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 573—574, 579.

¹²³ Л. Б. Кр а с и н. Вопросы внешней торговли. М.—Л., 1928, стр. 277.

¹²⁴ Документы внешней политики СССР, т. III, стр. 68.

¹²⁵ Там же, стр. 194—199, 207—208, 220—222, 232—254, 670—671; Годовой отчет НКВД к VIII Съезду Советов, стр. 34.

¹²⁶ Торговля со Швецией составила 27.1% всего внешнеторгового оборота Советского государства в 1920 г. (первое место среди 16 западных стран), с Данией — 5.3% (пятое место), с Норвегией — 2.8% (восьмое место). Данные Экономического управления Наркомторга СССР. «Оборот и баланс внешней торговли СССР с главнейшими государствами с 1920 по 1926/27 гг.» (Центральный архив Министерства внешней торговли СССР (далее — ЦАМВТ), ф. 1, оп. 1326, д. 102, л. 11).

В 1921 г. Советское государство по-прежнему уделяло серьезное внимание развитию и нормализации экономических отношений со Скандинавскими странами, хотя их значение для народного хозяйства РСФСР после урегулирования отношений с Англией и Германией было уже гораздо меньше, чем в предшествующий период.¹²⁷

Соглашения с Англией от 16 марта 1921 г. и с Германией от 6 мая 1921 г. позволили получить прямой доступ к крупнейшим европейским капиталистическим рынкам. Тем не менее Швеция, Норвегия и Дания с их высоким уровнем развития сельскохозяйственного машиностроения, семеноводства, рыболовства и т. д. представляли значительный интерес для ряда отраслей социалистической экономики, не говоря уже о стремлении советского правительства установить мирные политические отношения с этими северными странами. Наиболее быстрый прогресс был достигнут в урегулировании торгово-политических взаимоотношений с Норвегией. Как отмечалось, советско-норвежские переговоры были прерваны осенью 1920 г. по инициативе Норвегии. Однако уже в марте 1921 г. норвежский посланник в Англии официально заявил Л. Б. Красину о готовности правительства его страны возобновить переговоры об урегулировании торговых отношений.¹²⁸ В соответствии с решением Совнаркома Г. В. Чичерин поручил ведение переговоров с Норвегией, равно как впоследствии со Швецией и Данией, полпреду РСФСР в Стокгольме П. М. Керженцеву.¹²⁹ 4 апреля норвежское правительство определило состав своей делегации во главе с Г. Хансеном, которая тотчас же прибыла в Стокгольм и приступила к обсуждению с Керженцевым проекта торгового соглашения. В его основу были положены принципы англо-советского договора от 16 марта. Поскольку норвежская делегация не была уполномочена на подписание соглашения, она после непродолжительных переговоров выехала в Христианию для доклада правительству.¹³⁰ На этой стадии переговоров в позициях сторон имели место серьезные разногласия: норвежская делегация отказывалась дать удовлетворительные гарантии неприкосновенности советских товаров и ценностей, ввозимых в страну, выступала за ограничение прав официальных торговых представительств и выдвигала ряд имущественных претензий бывших собственников.¹³¹

¹²⁷ См.: Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, стр. 278.

¹²⁸ Документы внешней политики СССР, т. III, стр. 587—588.

¹²⁹ Там же, стр. 595.

¹³⁰ Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов (1920—1921). М., 1921, стр. 21; Документы внешней политики СССР, т. IV, М., 1960, стр. 51; «Известия», 10 мая 1921 г.

¹³¹ Годовой отчет НКВД к IX Съезду Советов, стр. 87.

Советское правительство искренне стремилось к скорейшему заключению договора с Норвегией. В апреле 1921 г. проект соглашения о возобновлении торговых сношений с Норвегией был одобрен СНК, который поручил Наркоминделу подписать его в случае преодоления основных разногласий.¹³² В письме от 23 мая 1921 г. из Стокгольма, адресованном В. И. Ленину и Г. В. Чичерину, Красин и Керженцев отмечали, что «заключение торгового договора с Норвегией должно быть достигнуто в ближайшем будущем».¹³³ Форсирование переговоров мотивировалось ими довольно значительным характером хозяйственных связей обоих государств: закупки в Норвегии электротехнических изделий и телефонного оборудования, селитры, угля; постоянный товарообмен между Вардэ и северными областями России.¹³⁴ Решающая фаза переговоров наступила в июле 1921 г., и уже в начале августа большинство статей предполагаемого соглашения были окончательно сформулированы и одобрены обеими сторонами. Принципиальные разногласия были преодолены в этот же период после консультаций норвежской делегации со своим правительством.¹³⁵ 2 сентября состоялось подписание Временного соглашения между Россией и Норвегией, которое в своих основных положениях было аналогично англо-советскому договору.

Это соглашение предусматривало взаимный обмен официальными представителями и торговыми агентами, наделенными рядом дипломатических привилегий; признавало за делегациями право юридического лица; гарантировало неприкосновенность имущества и ценностей, ввозимых в каждую из договаривающихся стран для торговых целей; определяло условия судоходства и транзита; признавало принцип монополии внешней торговли РСФСР. В отличие от англо-советского соглашения от 16 марта 1921 г. договор рассматривал делегацию РСФСР в Норвегии в качестве единственного представительства Российского государства. Это, если не по букве, то по духу выходило за рамки признания РСФСР Норвегией де-факто и приближалось к признанию де-юре.¹³⁶ 1 октября договор был одобрен норвежским стортингом и на следующий день ратифицирован.¹³⁷ В том же месяце в Христианию прибыла советская миссия во главе с полпредом Л. М. Михайловым, который вручил верительные грамоты, подписанные Лениным и Чичериным, министру иностранных дел Рестаду и министру торговли Мувинкелю. В них выражалась надежда на то, что возобновление торговых связей приведет к развитию дружественных отношений между двумя

¹³² «Известия», 23 апреля 1921 г.

¹³³ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 17, д. 123, л. 53.

¹³⁴ Там же, л. 88.

¹³⁵ См.: «Известия», 5, 7 августа 1921 г.

¹³⁶ Документы внешней политики СССР, т. IV, стр. 298—305.

¹³⁷ «Известия», 4 октября 1921 г.

странами.¹³⁸ В конце ноября в Москву прибыла норвежская торговая миссия во главе с Якхеллом.¹³⁹

Гораздо более трудными и затяжными были переговоры с двумя другими скандинавскими государствами — Данией и Швецией, — которые в 1921 г. так и не привели к удовлетворительным результатам.

Инициатором переговоров о нормализации экономических отношений с РСФСР в Дании выступило отнюдь не правительство, а торгово-промышленные круги страны. Уже в 1920 г. ими был создан особый Комитет для ведения переговоров о возобновлении экономических отношений с Советской Россией.¹⁴⁰ В его состав вошли Х. Хансен — бывший министр финансов и директор акционерного общества «Датсибико», которое вело торговлю с Сибирью, К. Рамбуш — представитель судоходных компаний, инженер Х. Ланге — секретарь экспортной секции Совета промышленников Дании, О. Йоргенсен — редактор газеты «Socialdemokraten». 19 марта 1921 г. Комитет телеграфно запросил Л. Б. Красина о времени и месте возможных датско-русских торговых переговоров. 21 марта был получен ответ Красина, в котором сообщалось, что переговоры следует вести с П. М. Керженцевым в Стокгольме. В начале апреля 1921 г. член Комитета Х. Ланге имел ряд встреч с Керженцевым в Стокгольме, в результате которых был получен советский проект соглашения. 2 июня в министерстве иностранных дел состоялось совещание деловых кругов Дании, высказавшееся за заключение соглашения между объединением заинтересованных в торговле с Россией датских фирм и Советским правительством. В конце июня это предложение было передано Керженцеву, который отметил, однако, необходимость заключения договора непосредственно между правительствами обеих стран. В связи с этим Комитет 30 июня обратился к правительству с просьбой продолжить переговоры. Министерство иностранных дел выразило согласие, поскольку «было ясно, что окончательный договор ныне возможен только между правительствами».¹⁴¹ 25 июля в Стокгольм для переговоров с Керженцевым выехала делегация Комитета, в состав которой, однако, был включен в качестве ее председателя представитель МИД депутат И. Клан. Переговоры велись на основе советского проекта и датского контрпроекта. Делегации постоянно сносились со своими правительствами.

¹³⁸ «Бюллетень НКВД», 1921, № 103, стр. 36—37.

¹³⁹ «Известия», 3 декабря 1921 г.

¹⁴⁰ В дальнейшем история датско-советских переговоров излагается нами по «Докладу о переговорах с Россией», представленному этим Комитетом парламенту в декабре 1921 г. Подробное содержание доклада приводится в донесении чехословацкого посольства из Копенгагена в Министерство иностранных дел от 17 декабря 1921 г. (см.: AMZV, Kodaň, 1921, с. 162).

¹⁴¹ AMZV, Kodaň, 1921, с. 162.

В начале ноября 1921 г. переговоры вступили в решающую стадию, причем датская делегация соглашалась на заключение договора, хотя бы аналогичного советско-норвежскому. Тем не менее министерство иностранных дел, возглавляемое Х. Скавениусом, тормозило ход переговоров, возражая против формулировки, согласно которой советское представительство в Дании объявлялось единственным представительством России. 9 ноября Скавениус заявил лидерам парламентских партий, что никакого политического соглашения с Советским правительством заключено не будет, а 11 ноября направил главе датской делегации на переговорах в Стокгольме Клану инструкцию, предлагающую настаивать на отказе от советской формулировки спорного пункта.¹⁴² 13 ноября члены делегации Х. Хансен и Х. Ланге приехали в Копенгаген и попытались устранить неожиданное сопротивление заключению соглашения со стороны министерства иностранных дел. Они привезли с собой письмо, подписанное всеми членами Комитета, в котором отмечалась необходимость быстрейшего завершения переговоров, посетили председателя Совета министров, Скавениуса, ряд министров и руководство союзов торговли и промышленности. На первый взгляд, их демарш увенчался успехом. 16 ноября 1921 г. руководитель делегации в Стокгольме И. Клан получил распоряжение МИД выяснить, какие уступки в экономических вопросах сделало бы Советское правительство, если бы Дания согласилась с его формулировкой о представительстве. Далее в инструкции говорилось о том, что делегация не должна ультимативно требовать исключения этого пункта из будущего договора. В духе этой новой инструкции 17 ноября 1921 г. Клан вступил в контакт с Керженцевым, который обещал запросить свое правительство по затронутым вопросам. Однако, пока Керженцев сносился с Москвой, из Копенгагена 20 ноября министерством иностранных дел были затребованы разъяснения по всем пунктам обсуждаемого компромисса. 24 ноября Клан получил неожиданный и категорический приказ Скавениуса прекратить переговоры. Он мотивировался тем, что согласуемый договор был бы признанием РСФСР де-юре, что он мало дает Дании и много России, что наличие советской миссии в Копенгагене создает угрозу усиления коммунистической пропаганды, и т. д.

Решение министерства иностранных дел вызвало резкий протест влиятельных представителей промышленности, торговли и сельского хозяйства страны, которые на совещании 29 ноября приняли специальную резолюцию по этому вопросу.¹⁴³ 16 декабря

¹⁴² Позиция Скавениуса, который был послом Дании в царской России, во многом определялась его тесными связями с русской монархической эмиграцией, нашедшей приют в Дании и возглавлявшейся вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

¹⁴³ «Известия», 3 декабря 1921 г. — Как сообщало чехословацкое посольство в свое министерство иностранных дел, «промышленные круги,

1921 г. в фолькетинге по запросу социал-демократов открылись прения по поводу отказа от торгового соглашения с РСФСР. Противоречивые разъяснения Скавениуса не удовлетворили депутатов, и, лишь пригрозив отставкой, правительство добилось одобрения большинством фолькетинга своих действий. При этом, однако, парламент заявил о необходимости при первом же удобном случае возобновить переговоры о заключении торгового соглашения.¹⁴⁴

Чрезвычайно сложным оказался и вопрос о нормализации экономических отношений со Швецией. К началу 1921 г. работа по закупкам через концерн по договору 1920 г. была в основном закончена, и советское торговое представительство перешло к заключению сделок с отдельными фирмами на основании конкуренции.

Соглашение от 15 мая 1920 г. перестало отвечать новому характеру торговых связей двух государств: оно оставляло открытыми многие вопросы правового обеспечения коммерческой деятельности советских организаций в Швеции, которые могли найти свое разрешение в торговом-политическом соглашении по образцу уже имевшихся договоров с Англией и Германией. К тому же при всяком удобном случае шведские официальные круги давали понять, что и это ограниченное соглашение они считают как бы не существующим или, в лучшем случае, полуофициальным обменом письмами между Красным и шведским правительствам по частному вопросу.¹⁴⁵

Несмотря на большое количество предложений шведских фирм, поступивших в начале 1921 г., советское представительство не могло использовать все возможности для широкого развития экономических отношений между двумя странами как ввиду отсутствия нового и полуротрицания старого соглашения, так и вследствие препятствий, чинимых его работе в первые месяцы 1921 г. министерством иностранных дел, клеветнической кампанией буржуазной печати и т. п.¹⁴⁶ В сообщении Керженцева от 22 июня 1921 г. в Наркоминдел отмечалось: «В течение последнего времени мне много раз пришлось заявлять шведам о том, что ввиду отношений шведского правительства к нам и отсутствия торгового договора наша работа в Швеции будет сокращаться и заказы будут перемещаться в другие страны. Об этом я подробно сообщил министру торговли».¹⁴⁷ В начале июля 1921 г.

объединенные на этот раз с социал-демократами, предприняли такую резкую кампанию против правительства и министра иностранных дел, какой уже давно здесь не было» (AMZV, Kodaň, 1921, с. 162).

¹⁴⁴ «Бюллетень НКВД», 1922, № 11, стр. 27; «Известия», 9, 22 декабря 1921, г.; 3 января 1922 г.

¹⁴⁵ См.: AMZV, Stockholm, 1921, с. 70, 79.

¹⁴⁶ См.: ЦГАНХ, ф. 413, оп. 19, д. 282, лл. 204, 211—213; д. 53, л. 59; «Бюллетень НКВД», 1921, № 79, стр. 23—24.

¹⁴⁷ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 17, д. 123, л. 93 об.

Керженцев по поручению Советского правительства официально предложил правительству Швеции начать переговоры о торговом соглашении между двумя странами.¹⁴⁸ Однако министерство иностранных дел явно не спешило с ответом: в середине сентября 1921 г. советский представитель еще констатировал, что правительство никак не реагировало на его предложение.¹⁴⁹ Лишь в середине октября премьер-министр Брантинг неофициально информировал Литвинова через свое доверенное лицо в Ревеле о возможном юридическом признании РСФСР Швецией при условии признания старых долгов.¹⁵⁰ Через несколько дней Керженцев получил и официальное сообщение шведского правительства о его готовности приступить к переговорам.¹⁵¹ Переговоры открылись 25 октября в Стокгольме и касались как проекта торгово-политического соглашения ограниченного характера (по образцу норвежского), так и договора о возобновлении дипломатических отношений на основе признания РСФСР старых долгов и получения крупного займа в Швеции. К исходу 1921 г. никакого определенного результата так и не было достигнуто.¹⁵²

Несмотря на такой в целом довольно замедленный темп нормализации торгово-политических отношений между Скандинавскими государствами и РСФСР, абсолютные цифры торгового оборота последней с Данией, Швецией и особенно с Норвегией в 1921 г. значительно возросли по сравнению с 1920 г.¹⁵³ Однако доля участия каждого из названных государств во всем внешнеторговом обороте Советской России этого периода, естественно, значительно понизилась по сравнению с 1920 г. ввиду выхода советских внешнеторговых организаций на главные капиталистические рынки.¹⁵⁴

* * *

Характер экономических отношений между Советским государством и капиталистическим миром в 1922—1923 гг. во многом определялся исходом международных конференций в Генуе и Гааге. Отказ Советского правительства на этих конференциях согласиться на признание долгов царского и Временного правительств и принять план полукOLONиальной эксплуатации народного хозяйства России, предложенный западными державами,

¹⁴⁸ Документы внешней политики СССР, т. IV, стр. 210—211.

¹⁴⁹ «Бюллетень НКВД», 1921, № 98, стр. 34—35.

¹⁵⁰ Документы внешней политики СССР, т. IV, стр. 431—432.

¹⁵¹ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 7-6, л. 266.

¹⁵² См.: Документы внешней политики СССР, т. IV, стр. 486—487, 491—492; «Известия», 28 октября 1921 г., 3 января 1922 г.

¹⁵³ См.: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг., стр. 24, 25, 28.

¹⁵⁴ Доля Швеции с 27.1% торгового оборота РСФСР в 1920 г. понизилась до 6.5% в 1921 г., доля Дании с 5.3% до 1.9%; Норвегии с 2.8% до 2.4% (ЦАМВТ, ф. 1, оп. 1326, д. 102, л. 11).

вызвал недовольство капиталистических кругов. Последовал период так называемого «экономического разочарования», или охлаждения Запада к идее хозяйственного общения с Советской Россией,¹⁵⁵ отражением чего были затруднения в отношениях РСФСР с деловым миром и правительствами ряда стран. «Экономическое разочарование» стало изживаться с весны 1923 г. Причины, которые привели к преодолению «экономического разочарования» и заметному укреплению деловых отношений СССР с капиталистическим миром, в особенности со второй половины 1923 г., состояли главным образом в первых успехах восстановления советской экономики и в постепенном осознании Западом бесплодности политики диктата в области хозяйственных отношений с социалистическим государством. Эти процессы, общие для всего капиталистического лагеря, нашли свое отражение и во взаимоотношениях Советского государства со Скандинавскими странами.

В середине января 1922 г. возобновились советско-шведские переговоры о заключении торгового договора между двумя странами. С советской стороны их вели П. М. Керженцев и Л. Н. Геллер, со стороны Швеции — Троэльль, Сандстрем, Виннерстан и Хеннингс.¹⁵⁶ Почти с начала переговоров выяснилось, что Швеция согласится в лучшем случае на промежуточное урегулирование и не пойдет на сколько-нибудь радикальное соглашение, выжидая исхода предстоящей Генуэзской конференции. Как сообщил чехословацкий посол в Стокгольме В. Радимский 28 января 1922 г. о своей беседе с премьер-министром Брантингом, последний сказал ему, что Швеция готова установить отношения с Россией при условии признания ею прежних долговых и имущественных обязательств, но к окончательному заключению соглашения можно будет прийти «только после конференции в Генуе, когда будет ясно, какую позицию в этом вопросе займут великие державы».¹⁵⁷ Однако кризисные явления в экономике подталкивали правительство, и в феврале 1922 г. стороны согласовали текст временного соглашения с Советской Россией по образцу советско-норвежского. 1 марта 1922 г. это соглашение было подписано министром торговли Э. Свенсоном и П. М. Керженцевым.¹⁵⁸

Но и это временное соглашение, нуждавшееся для его ввода в действие в одобрении риксдага, вскоре стало объектом нападок со стороны реакции. Еще до открытия Генуэзской конференции против ратификации соглашения выступила организация шведов — бывших собственников в России, которая в феврале и

¹⁵⁵ См.: Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики, стр. 253, 264—265, 299; Документы внешней политики СССР, т. VI, М., 1962, стр. 304—309.

¹⁵⁶ AMZV, Stockholm, 1922, с. 22, 41.

¹⁵⁷ Ibid., с. 25.

¹⁵⁸ Текст договора см.: ЦГАНХ, ф. 413, оп. 19, д. 282, лл. 5—12.

марте 1922 г. провела ряд собраний, направила делегацию к премьер-министру и предложила специальному комитету риксдага резолюцию, отклоняющую подписанное соглашение.¹⁵⁹ Дебаты по поводу ратификации договора с Советской Россией проходили уже в условиях глубокого разочарования капиталистических кругов Запада исходом Генуэзской конференции. В этой обстановке специальные парламентские комитеты, а затем и обе палаты риксдага 31 мая 1922 г. незначительным большинством высказались против ратификации советско-шведского соглашения.¹⁶⁰ Помимо оппозиции шведов — бывших собственников в России — и кругов, связанных с русской торгово-промышленной эмиграцией, общего разочарования результатами конференции в Генуе, причиной отклонения договора была также недооценка политическими и деловыми кругами страны хозяйственных и внешнеторговых возможностей Советской России, переживавшей в этот период голод и разруху и только начавшей работу по восстановлению экономики на рельсах НЭПа.

Отказ в ратификации договора вынудил Советское правительство со второй половины 1922 г. резко сократить все коммерческие операции в Швеции. В течение почти 8 месяцев (с июля 1922 г. по февраль 1923 г.) закупки торгпредства сократились в 7 раз по сравнению с предыдущим периодом. Экспорт РСФСР в Швецию в это время составил всего 1 млн крон против 6 млн за первую половину 1922 г.¹⁶¹ Побывавший в Стокгольме 20 октября 1922 г. проездом в Берлин Л. Б. Красин констатировал «полное затишье» в торговых отношениях между двумя государствами.¹⁶²

Осенью 1922 г. шведское правительство начинает вновь осторожно выдвигать идею урегулирования торговых отношений с Советской Россией. В сентябре—октябре 1922 г. были опубликованы два заявления премьер-министра Брантинга, из которых следовало, что правительство намеревается возобновить переговоры с советскими представителями. При этом отмечалось, что за прошедшее время был подписан чехословацко-советский договор от 5 июня 1922 г., ведутся переговоры с другими государствами (визит Эррио в РСФСР), очевидной становится внутренняя экономическая и политическая стабилизация советского строя.¹⁶³ В конце 1922 г. правительство поручило адвокату Е. Лёфгрену изучить вопрос об условиях возобновления торговых отношений с Россией, и в феврале 1923 г. он в сопровожде-

¹⁵⁹ AMZV, Stockholm, 1922, с. 75, 99, 104, 173.

¹⁶⁰ См.: «Международная жизнь», 1922, № 10, стр. 51—53; «Известия», 30, 31 мая, 13 декабря 1922 г.; AMZV, Stockholm, 1922, с. 122, 197.

¹⁶¹ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 19, д. 282, лл. 98—108.

¹⁶² Там же, оп. 17, д. 196; лл. 72—73 (письмо в НКВТ из Берлина от 23 октября 1922 г.).

¹⁶³ AMZV, Stockholm, 1922, с. 233, 239.

нии генерального консула И. Сакса выехал в Москву для предварительных переговоров.¹⁶⁴ По возвращении шведских представителей из Москвы¹⁶⁵ премьер-министр Брантинг направил 10 марта 1923 г. Советскому правительству памятную записку, в которой предлагал урегулировать экономические и политические отношения между двумя странами де-факто путем обмена соответствующими нотами.¹⁶⁶

Вскоре, однако, последовала смена кабинета, Брантинг ушел в отставку, и новое шведское правительство Э. Трюггера фактически уклонилось от переговоров, предложенных представителем СССР в Швеции на основе любой из трех возможностей: обмен нотами, предварительный договор типа соглашения с Норвегией или полное восстановление дипломатических отношений. В то же время новый министр иностранных дел Хедершерна дал понять, что переговоры о торговом договоре в принципе возможны.¹⁶⁷ Некоторое время коммерческие и политические отношения между двумя странами характеризовались почти полным затишьем, но в конце 1923 г. в Москву опять была направлена шведская делегация во главе с Е. Лёфгреном для возобновления переговоров.¹⁶⁸ Эти переговоры, которые велись в Москве и в Стокгольме, и привели в марте 1924 г. к юридическому признанию СССР Швецией и к заключению одновременно с этим актом торгового договора между двумя странами.

На протяжении значительной части 1922 г. вопрос об урегулировании датско-советских торговых отношений не претерпел каких-либо существенных изменений. Министерство иностранных дел, возглавляемое Х. Скавениусом, по-прежнему не было склонно прийти к соглашению с Советским правительством хотя бы на основе принципов договора с Норвегией. Вместе с тем в январе 1922 г. оно зондировало почву через крупного копенгагенского торговца семенами Х. Хартмана (в свое время заключившего ряд сделок с М. М. Литвиновым и Л. Б. Красиным) о возможных уступках Советского правительства по спорным вопросам, выявившимся на переговорах в 1921 г.¹⁶⁹ Представители торгово-промышленных кругов страны, заинтересованные в возобновлении нормальных торговых сношений с Советской Россией, такие как участник переговоров 1921 г. Х. Ланге, со своей стороны и независимо от МИД поддерживали контакты

¹⁶⁴ «Известия», 9, 28 февраля 1923 г.; AMZV, Stockholm, 1923, с. 1, 27, 60.

¹⁶⁵ Как показывает доклад Е. Лёфгрена на собрании членов Экспортного союза 23 апреля 1923 г., в результате поездки он пришел к выводу о необходимости заключить торговый договор с СССР (AMZV, Stockholm, 1923, с. 60).

¹⁶⁶ Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 377—378.

¹⁶⁷ Там же, стр. 375—378.

¹⁶⁸ Годовой отчет НКВД за 1923 г. к II Съезду Советов. М., 1924, стр. 143; AMZV, Stockholm, 1923, с. 84.

¹⁶⁹ AMZV, Kodaň, 1922, с. 4, 11.

с П. М. Керженцевым.¹⁷⁰ В период Генуэзской конференции члены датской делегации и представители торгово-промышленных кругов имели неофициальные беседы с Л. Б. Красиным и некоторыми советскими экспертами.¹⁷¹ Но радикальные изменения в датско-советских отношениях начались с октября 1922 г. после ухода Скавениуса с поста министра иностранных дел. В ноябре последовал выезд из Дании в Англию Марии Федоровны и ее ближайшего окружения, что устранило одно из важных препятствий на пути к соглашению между двумя странами.¹⁷² После ее отъезда была произведена ликвидация дел царского посольства в Копенгагене, а представительство Керенского превратилось в безобидное по названию «Информационное бюро по делам русских эмигрантов в Дании».¹⁷³ Все это во многом расчистило путь для переговоров об урегулировании торгово-экономических отношений между СССР и Данией.

Поэтому, когда в декабре 1922 г. во время работы Лозаннской конференции датский посланник в Берне возбудил перед Г. В. Чичериным вопрос о возобновлении переговоров, последний выразил согласие открыть их в Москве.¹⁷⁴ В феврале 1923 г. датское правительство информировало Наркоминдел о намерении направить в СССР свою делегацию.¹⁷⁵ В состав делегации вошли И. Клан (председатель), Х. Хансен, Э. Лет и Г. Расмуссен.¹⁷⁶ Датско-советские переговоры открылись в Москве 24 марта и уже через месяц завершились подписанием Предварительного соглашения от 23 апреля 1923 г. По своему характеру датско-русское Предварительное соглашение было последним в серии договоров с РСФСР, начатых соглашением с Англией от 16 марта 1921 г. Оно примерно соответствовало соглашению с Норвегией и предусматривало взаимный обмен официальными представителями, а также меры по облегчению торгово-экономических отношений между двумя странами.¹⁷⁷ В связи с кампанией против договора Х. Скавениуса и выжиданием исхода англо-советского конфликта, вызванного «ультиматумом Керзона», ратификация соглашения фолькетингом была отложена и состоялась лишь 7 июня 1923 г.¹⁷⁸ После обмена ратификационными грамотами в августе 1923 г. произошел обмен официальными представительствами: в Москву прибыла датская делегация во главе с П. Схоу, а в Копенгаген — Ц. Гейн с сотрудниками советского представительства.¹⁷⁹

¹⁷⁰ Ibid., с. 41.

¹⁷¹ Ibid., с. 26.

¹⁷² Ibid., с. 86.

¹⁷³ Ibid., 1923, с. 2.

¹⁷⁴ Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 79—80.

¹⁷⁵ Там же, стр. 609.

¹⁷⁶ AMZV, Kodaň, 1923, с. 14.

¹⁷⁷ Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 257—266.

¹⁷⁸ См.: AMZV, Kodaň, 1923, с. 18а, 22, 27.

¹⁷⁹ Годовой отчет ИКИД за 1923 г., стр. 107; AMZV, Kodaň, 1923, с. 41.

Подписание соглашения и обмен представительствами способствовали расширению и углублению экономических связей между двумя государствами. Возобновила свою работу «Датская сибирская компания» (Датсибико) по вызову из России сельскохозяйственных продуктов. В декабре 1923 г. в Копенгагене был основан Датско-Русский банк для кредитования советских внешнеэкономических операций.¹⁸⁰ За первый год своей деятельности торгпредство СССР в Дании зафрахтовало более 50 датских судов и осуществило значительные закупки оборудования для молочного и маслобойного производства, цементных, холодильных установок и т. д.¹⁸¹

На основе договора 1921 г. продолжали укрепляться советско-норвежские экономические связи. В сентябре—октябре 1922 г. Л. Б. Краси и норвежский представитель в Москве М. Больстад обменялись письмами, в которых отмечалась необходимость установления более интенсивных торговых и экономических отношений между двумя странами.¹⁸² В 1922—1923 гг. хозяйственные связи СССР с Норвегией развивались в различных направлениях. Успешно протекала деятельность смешанного общества по деревообработке «Русснорвеголес», благоприятно завершились переговоры с фирмой «Христиансен» о китобойной концессии у берегов Камчатки, был заключен договор с норвежским консорциумом «Винге и К^о» о зверобойном промысле в советских территориальных водах на период с февраля по июнь 1923 г., такая же концессия была дана в декабре 1923 г. «Олесундскому союзу судовладельцев». В 1923 г. Норвежской хлебной монополией было запрошено 2 700 000 пудов ржи; половина вырученной за нее суммы была использована на советские заказы промышленных изделий в Норвегии. Кроме того, была закуплена крупная партия норвежской сельди.¹⁸³ Осенью 1923 г. Наркоминдел поставил перед правительством Норвегии вопрос об окончательном урегулировании политических и экономических отношений, связав его с признанием СССР де-юре. Норвежское правительство, принципиально не возражая против этого шага в будущем, опасалось, что его инициатива вызовет экономические санкции со стороны великих держав.¹⁸⁴ Восстановление дипломатических отношений между двумя странами состоялось уже в следующем, 1924 г.

Становление экономических связей Советского государства со Скандинавскими странами было частью сложного и противоречивого процесса нормализации отношений между социалистической Россией и капиталистическим Западом. К концу рассмат-

¹⁸⁰ Там же; «Известия», 9 ноября 1923 г.; AMZV, Kodaň, 1923, с. 46.

¹⁸¹ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 64, л. 96.

¹⁸² ЦАМВТ, ф. 1, оп. 1326, д. 70, л. 325.

¹⁸³ Годовой отчет НКВД за 1923 год, стр. 411; Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 269, 617.

¹⁸⁴ Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 498—499, 507—508.

риваемого периода этот процесс завершился заметным укреплением деловых связей, очевидным компромиссом двух систем собственности в экономической области. Урегулирование хозяйственных связей в эти годы во многом расчистило путь к нормализации политических отношений между СССР и капиталистическим миром, создало почву для начала «полосы признаний». Скандинавские государства оказались среди тех западных стран, для которых «полоса признаний» Советского Союза де-юре наступила уже в 1924 г. Это решение в значительной степени было подготовлено всем опытом их торгово-политических взаимоотношений с Советской Россией в 1917—1923 гг.